

ТЕМНОКОБ МИХАИЛ

КРИПТИ

18+

Михаил Темняков

Куртец

«Автор»

2026

Темняков М.

Куртец / М. Темняков — «Автор», 2026

Обычный поход в театр оборачивается для Игоря настоящим кошмаром, когда он надевает чужую куртку из гардероба. Казалось бы, простая вещь превращается в смертельную ловушку: её невозможно снять, а материал оказывается непробиваемым. С каждым днём загадочная одежда всё теснее обволакивает тело своего нового владельца, неумолимо сжимаясь и приближая роковую развязку.

© Темняков М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Куртец

Глава

Куртка была замечательной! Кожаная, серого цвета, с нагрудными карманами на заклепках, снизу – декоративные молнии, а под ними – прорезные карманы. На плечах лежали эполеты, словно погоны на шинели мертвого офицера. Кожа натуральная, подкладка мягкая, на ощупь приятная. Лишь два недостатка: первый – ее невозможно снять, и второй – она неумолимо сжимается, норовя раздавить носителя. Игорю Астафьеву не повезло. Хотя и надел он куртку по своей воле, сделал это не специально, а по роковой случайности.

Несчастья начались в самый обыкновенный день, отличавшийся от прочих лишь замечанием Алины, его девушки, об одном, по ее мнению, досадном упущении: они давно не были в театре, и ему как можно скорее следовало исправить эту оплошность.

Ошибкой было согласиться с любимой и купить злополучные билеты. И хотя филармонии, спектакли, представления и прочие постановки он не любил, считая, что веселее сидеть на кладбище, чем в театре, устоять под натиском ее прекрасных глаз не смог. Сломленный атаками уговоров и убалтываний, ему в конце концов пришлось принять поражение, достать телефон и купить два билета на ближайший спектакль, да к тому же в первых рядах: знал, как его избранница любит подобные мероприятия.

Вечер только начинался и был прохладен, несмотря на то, что весна уступала место лету. Игорь пришел к своей девушке в серой кожанке. Куртка служила ему уже несколько лет, на некоторых местах появились потертости, а на правом рукаве – малозаметная дырка, рассмотреть которую можно было, лишь согнув локоть.

Они направились в театр. Вошли в просторное, богато украшенное фойе. Он, как джентльмен, взял ее легкое пальто и вместе со своей верхней одеждой отдал в гардероб. Там его встретила пожилая миниатюрная гардеробщица в огромных очках, закрывавших пол-лица, с убранными в косу уже редкими волосами. Она добродушно улыбаясь, забрала ношу, выдав номерки с цифрами 13 и 75.

Актеры выложились на все сто. История оставила неизгладимый след в сознании зрителей. Антураж и декорации цепляли глаз. Музыка наполняла душу. Зрители сорвались с мест и начали аплодировать, когда артисты вышли на поклон, а Игорь, убедившись в том, что читать эпитафии на мраморных плитах в разы интереснее, вскочил с кресла, проклял его за неудобство и быстрым шагом направился в гардероб, сжимая в руке номерки. Ему удалось миновать очередь и проскользнуть за одеждой первым.

Гардеробщица принесла вещи. Она улыбалась, интересовалась впечатлениями о спектакле. Он отвечал уклончиво, но вежливо, словно сказав правду, обидит женщину. Затем протянул руку к одежде... И если бы он только знал, то никогда в жизни не взял бы эту куртку. Будь его воля, он схватил бы мясницкий топор, тот, каким рубят туши, и одним ловким движением отсек себе руку! Но он взял ее.

Она была тяжелее, чем обычно, словно кто-то набил карманы, и теплее, будто в ней только что ходили. Одновременно с этим возникло странное, невнятное ощущение мерзковатого замогильного холода. Игорю стоило обратить внимание, забить тревогу, но он, подгоняемый и подталкиваемый собравшейся за ним толпой, пропустил тревожные звоночки.

Он взял одежду, накинул куртку и стремительно направился к своей девушке.

Когда они вышли из театра, она посмотрела на него и сказала:

-- Удивительно! Она выглядит как новая, а ты говорил, что ей несколько лет!

После театра воодушевленная парочка отправилась на прогулку. Проходя по освещенным живописным аллеям, они обнимались. Украдкой он целовал ее в щеку, иногда она отве-

чала ему тем же. Купили по стаканчику кофе. Он рассказывал о планах на жизнь, она улыбалась и поправляла прядь волос, постоянно падавшую на лицо. Потом делилась впечатлениями о прошедшем спектакле, смотря с моста на водную гладь. Дальше они раскачивались на двухместных качелях, а затем она посмотрела на часы, ужаснулась позднему времени и начала собираться домой. Не пригласила его к себе, так как предстоящий рабочий день был для нее очень важным, и ей хотелось выспаться, набраться сил. Она извинялась, предлагала продолжить в другой раз. Игорь, хоть и неохотно, согласился. Усадил ее в такси. Сам взял другое. По дороге он поправил воротник куртки. Тот непривычно сдавливал шею и в целом будто стал уже, но он не придал этому значения. Лишь отметил, что чувствует себя в ней неуютно.

Он вернулся домой и с наслаждением скинул обувь. Затем схватился за язычок молнии на кожанке. Дернул. Тот не поддался. Молния не расстегивалась. Он повторил попытку несколько раз, но безрезультатно. Словно это был не замок, а вкопанный глубоко в землю бетонный столб. Подбежал к зеркалу, посмотрел на себя, на застёжку, и снова попытался расстегнуть куртку... Хоть бы хны! Язычок как был на месте, так там и оставался, подобно памятнику античности, чей покой нарушил одинокий хулиган, пытающийся столкнуть его с пьедестала. Игорь попробовал отстегнуть заклёпки на рукавах, но ничего не вышло – они будто приварились! Он применил всю свою силу, хоть и было ее немного (занятия в театральном кружке не прибавляют мышц) – результата не было.

Не понимая, что происходит, он выругался и попытался стянуть «ловушку» через голову. Она вроде бы даже поддалась, но воротник впился в нижнюю часть челюсти и отказался подчиняться. Раздражённый болью от натертости, он выругался еще сильнее. Ситуация выглядела глупо, даже с налётом абсурдности. Как так?! Старая родная куртка не снимается? Быть такого не может. Ведь столько лет расстегивал молнию! Защелкивал и расщелкивал заклепки! И тут в его голове что-то щелкнуло. Словно включился свет, зажглась лампочка. Вспомнились слова Алины: «Как новая!»

Он встал перед зеркалом, внимательнее присмотрелся к одежде. Хм... тот же фасон, те же карманы, цвет... Стоп. А ведь она и правда выглядит новее. Будто ее толком и не носили: ни потёртостей, ни царапин, ни повреждений. Согнул локоть и не увидел той «тайной» дырки, что видна при сгибе.

--- Твою мать! Это не моя куртка! --- сказал он, глядя на своё отражение в зеркале. --- И что? Особо-то ведь ничего не меняется. --- продолжил он. --- Моя-не моя, разница-то какая? --- твердил он своему отражению. --- Мне как из неё вылезти-то? --- мямлил и будто ждал ответа от своего зеркального двойника или хотя бы подсказки. Но тот лишь послушно повторял за ним. Лицо искривила задумчивость.

--- Ладно, чёрт с ней! - новую куплю!

--- Решим проблему с помощью ножа! --- Бойко поддержало отражение.

Направился на кухню претворять задуманный план в жизнь. Взял острый нож и... А что резать-то и как? --- Задумался Игорь. Обращаться с ножом он толком не умел. Ну, обычные действия само собой, колбасу порезать, хлеб там. --- Так что? Рукава? Воротник? Молнию? Приставил острей к горлу. Вернее, он хотел к воротнику, но получилось так, как получилось, а потому засомневался в своём замысле.

Вернулся к зеркалу. Попробовал разрезать рукав, но не смог удобно пристроить лезвие и, от греха подальше, отказался от этой идеи. Он попытался оттянуть подол кожанки и опешил от недоумения: низ изделия невозможно было оттянуть. Куртка так плотно обволакивала тело, что, казалось, превратилась в собственную кожу носившего это смертельное и извращенное орудие пытки. Как ни пытался он пальцами подцепить подол, те лишь скользили по гладкой поверхности. Ногти поцарапали мягкую плоть паха. Нож брякнул об пол. Игорь схватился руками за лицо, согнулся, крикнул, как зверь. Провел пальцами по векам, щекам и спросил зеркало:

-- Что происходит-то? Бред же.

Попытался собраться с мыслями. Поднял упавший нож. Он еще не до конца осознавал трагичность ситуации. Сомнения грызли его, как мыши хлеб. Куртку резать не особо хотелось, но и оставаться в ней на неопределенный срок перспектива была скверной. Он снова спросил зеркало, как быть. Ответа не было. Немного поразмыслив, все же решил во что бы то ни стало разрезать рукав. Тот еще не прилип к коже, а потому клинок проник в узкую щель между тканью и плотью. Начал пилить материал, словно пилой дерево. Донёсся неприятный скрип, но ткань не поддавалась. Он ускорился, резче задвигал ножом. Он не был кожевником и не знал многого о материале, но прекрасно понимал, что любая ткань рано или поздно сдастся под напором острия.

Кожа руки натиралась о тупую сторону лезвия и неприятно ныла. Она сползала, сдиралась. Капельки крови выступили из раны. Становилось больно, а вещь не поддавалась. Не появилось ни прорези, ни углубления, даже царапины! Он психанул и надавил ножом на рукав, создав рычаг. Острый кончик стали уперся в плоть. Игорь взвыл, осознав произошедшее. Ручейки стекали по руке, маленькие капельки, пробегая по пальцам, разбивались об пол, как лемминги. Ошарашенными глазами он взглянул в зеркало. Его взгляд встретил напуганного человека.

--- Это бред, такого не может быть. Это всё чушь, нереально. Правда ведь? Так не бывает. Я принял жену за шляпу. Но... но... А как быть? Как снять ее? Если я осознаю себя психом, то я не псих. Это же так работает? И мне ничего не чудится. Куртка на мне, я ее ощущаю, ощущаю влагу под ней и боль тоже чувствую. Как снять же ее?

Окровавленной рукой он перехватил нож и начал бешено водить острием по обтягивающему тело материалу. Куртка скрипела, как и положено обычной коже, но на ней не оставалось ничего: ни пореза, ни царапины. Его движения приобрели хаотичность. Стали резкими, агрессивными. Он стучал лезвием. Бил. Прикладывал все больше силы... Но это была непробиваемая броня. Никакого эффекта, кроме попусту потраченного времени. Игорь выдохся. Посмотрел на несчастное лезвие: кромка его представляла жалкое зрелище, вся сбита, кусочки металла где-то отогнулись, а в других местах и вовсе отломались, оружие стало безнадежно тупым. Теперь Астафьев знал: то, что он надел на себя, неуязвимо. Рыцари бы встали в очередь за ней, но перед битвой, а после... Кто его знает, что бы они с ней делали. В обезумевшем мозгу угодившего в ловушку созрела странная мысль, граничащая с отчаянием и сумасшествием. Он дал слабину, позволил эмоциям одержать верх, перехватил нож, направил его на живот, словно собираясь сделать сэппуку, шумно вдохнул, будто притягивая решимость, посмотрел на себя обезумевшего в зеркало и яростно воткнул нож в живот. Глаза встретились с отражением. Рука соскользнула с рукояти и ударилась о живот. Он не почувствовал боли, лишь услышал звук разламывающегося металла и падение осколков на пол. Уставился на руки, на рукоятку ножа и на то, что было лезвием. Смотря на эти куски металла, он увидел отражение собственного глаза, взгляд того был бешеный, запуганный и загнанный. А разводы крови на лезвии лишь усилили эффект.

«А если бы не сработало?» -- пронеслось в голове у Игоря. -- «А если бы нож воткнулся в живот?» Он представил себе картину: как лежит калачиком на полу в красной луже. Еще живой, отчаянно дышит, можно подумать, что с выдохом жизнь уходит, а он пытается ее всосать обратно. Кровь вперемешку со слюной вылетает из рта. Представил свои красные напуганные и обезумевшие глаза. Содрогнулся. И в голове его прояснилось, развеялась дымка безумства, стало так чисто и светло, что вернулась способность мыслить рационально. Снова посмотрел на свое отражение. Лицо было бледное и уставшее, в поту и с капельками крови, каким-то чудом угодившими на него. Отражение улыбнулось, и губы зашевелились:

-- Это всего лишь сон, -- сказал Игорь. -- Я сплю в такси, скоро проснусь.

Но это было лишь жалкое утешение. Он понимал, что чуда не произойдет. Раненая рука болела, алые ручейки были влажными и ощущались кожей. Воротник давил. И Игорь прекрасно осознавал, что такой спектр ощущений не естественен для сновидений, но все равно цеплялся за последнюю соломинку, лучик надежды. И сейчас, схватив кожу между пальцами, он собирался разломать эту связь, лишиться надежды на самый простой исход событий. Хотя и знал, что не проснется, все же скрутил кожу, ущипнул себя и взвыл от боли.

Как мог, заклеил рану на руке пластырем. Отмылся. Сел на диван и постарался восстановить силы. Плана не было. Позвонить в МЧС? Полицию? В скорую помощь? А что им говорить? Что куртка не расстегивается и ни в какую не снимается? Что она прочнее брони? Тогда стоит позвонить в министерство обороны, а может, лучше сразу в дурку? Осознание того, что в его историю никто не поверит, давило на него сильнее, чем верхняя одежда, и это было только началом. Идея о том, что в психбольнице ему поверят, после того как сами попытаются снять куртку, показалась здоровой, только не самой лучшей. А если они ее снимут? Что тогда? Гнить там несколько лет? В тщетных попытках убедить докторов в том, что он нормальный? Астафьев достал телефон и в нерешительной надежде набрал номер девушки. Та ответила не сразу, до Игоря донесся сонливый, знакомый голос. На душе потеплело, стало полегче, но ровно до того момента, пока не пришлось объяснять, что произошло.

-- Милый, что случилось? Я уже сплю.

-- Алин... слушай меня внимательно, у меня очень странная... но серьезная... проблема... Ты готова?

-- Да, конечно, говори. -- Его девушка оживилась, а он осёкся. Так далеко он не продумывал план, можно сказать, импровизировал, но теперь без этого было не обойтись. Долго молчать нельзя, а что сказать, не ясно. Собрав всю волю в кулак, решил сказать все как есть.

-- Та куртка... Ну которую я одел в театре, не моя... понимаешь? Я не могу ее снять. Даже разрезать... Душит меня

В ответ последовало молчание, тяжелое и, по ощущениям, бесконечное.

-- Ты пьян? Выпил лишнего? В кофе себе что-то подливал?

--- Нет, нет... Я не пил... Ты сама видела. Я черт возьми трезв, как стеклышко.

--- Да? --- в голосе ее была нотка ехидства, словно она поймала вруна за руку --- А что с голосом? Почему язык заплетается?

--- Алина, поверь, я трезвый... У меня проблема... Мне... Страшно

--- Пить меньше надо, пугливый мой, тогда и белочка не страшна. Все давай.

--- Какая белочка? --- Игорь вспылел, в его голове не укладывалось, что любимая не верит его истории. Это придало ему сил, и он снова начал говорить отчетливо.

--- Я тебе говорю серьезно, я не пьян и сейчас сижу в куртке, которую не могу снять. Помнишь, ты сказала, что она как новая... Так вот, она и вправду...--- Игорь дрогнул, вспомнив случившееся, сердце екнуло --- но это не моя куртка... Она... моя кожа.

Алина помолчала несколько секунд, словно обдумывая что-то или ожидая, что продолжения не последует, а затем выпалила:

--- Ты серьезно? --- голос Алины стал ледяным -- Два часа ночи, а троллишь меня этой херней? Ты долбаеб?

-- Алина, пожалуйста... я не шучу. Поверь мне, прошу.

-- Я уже испугалась за тебя, идиота. --- В ее голосе были нотки раздражения, она не говорила, а возмущенно выпаливала слова, как из пулемета --- Говорила же что, мне надо выспаться, важный день завтра. А ты шутики тупые шутишь, идиот. Спокойной ночи -- И она прекратила разговор. Произошло это резко, словно кто-то оборвал провода. Астафьев пару раз позвал ее по имени, но в ответ была тишина.

Телефон словно обжег ухо. Ток прошелся по телу. Он отбросил мобильник, будто раскаленный. Игорь растерянно посмотрел в пустоту. Не в состоянии понять, как реагировать.

Конечно, он ожидал разных вариантов, но на такую резкую грубость со стороны любимой девушки не рассчитывал. Попытался представить себя на её месте, только ничего путного не вышло, так как в отличие от неё он понимал реальность абсурдной ситуации.

Астафьев лежал, держась руками за голову. Он не мог постичь происходящего. Не понимал, как реагировать, что делать. Он подумал: разве Алина виновата в том, что не поверила, не придала значения его словам? Конечно нет. Нужно было лучше подготовиться, продумать план. Все у него свелось к глупой импровизации. Ему вдруг захотелось, чтобы она обняла его. Приласкала и, наверное, даже утешила. Он представил, как ее рука ложится на его живот, и повел своими пальцами, словно по ней, по ее коже, только кончики пальцев скользили по беспощадному механизму мучительной смерти. Они проскользнули по карману, а когда начали возвращаться, попали в его пустоту. Указательный палец что-то нащупал. Вроде небольшой сверток бумаги. Игорь оживился, достал его, развернул, прочитал: «Думаешь, мразь, я не знаю о том, что ты мне изменяешь? Кара тебя настигнет. Адских мук!».

Игорь прочитал написанное и выронил листок из рук.

--- Почему, Алина? --- он задал этот вопрос в пустоту, развел руками, но получилось это плохо, скрип кожаной куртки раздался за спиной, а лопатки словно прижали к стене.

Разве Алина способна на такое? За что она решила меня наказать? За какую измену? Я верен ей был и буду. Почему она думает, что я изменяю ей? Она не права, ошибается. У меня же кроме нее... никого нет.

От таких мыслей у него затряслись руки. Он не придумал ничего лучше, чем подбежать к холодильнику, достать оттуда бутылку с белой жидкостью, народным успокоителем. Вытащил стакан, открутил крышку и, пока наливал, пролил несколько капель на стол. А потом залпом, будто страдающий без воды в жаркой пустыне, выпил досуха.

Из-за чего она так жестока ко мне? Кто-то рассказал ей ложь, и она поверила в нее? Или что-то увидела связанное со мной и истолковала это по-другому. Вроде не было для этого повода. Но что тогда? Нужно ей позвонить и разузнать. Может, тогда она все исправит.

Наполненный решимостью, он схватил телефон и уже собирался нажать кнопку вызова, как остановился, вспомнив один значительный факт, замеченный у зеркала. Куртка не его. И тут он начал думать в другом ключе. А что, если записка адресована не ему, а кому-то другому? Но кому? И как узнать это? Может, ее перепутала гардеробщица? Или, возможно, специально? Но для чего? Я видел ее впервые в жизни, как и она меня. Это звучит абсурднее, чем мои первые предположения. Впрочем, есть и вариант того, что куртка была по глупости работницы перепутана, и я получил не свою, а чужую. Что хоть немного объясняет происходящее, жаль, что не дает понимания сути. Вполне возможно, куртка принадлежит изменщику, который, не понимая счастья, ходит в моей заношенной. Но ведь он может прийти в театр, если, конечно, заметит подмену, и потребовать свою родную. Так я, как минимум, хоть узнаю, кто это. Если он, конечно, существует. И если он заметит. Только в театр сейчас идти смысла нет, ночь на дворе, он закрыт. И насколько мне известно, гардеробщицы приходят на время спектакля, так что, возможно, придется дожидаться начала представления. А если он приедет до спектакля? То тоже ничего не добьется. И опять же ему надо существовать для этого... И как бы ни хотелось это принимать, признавать, но списывать Алину со счетов не стоит, кто знает, что у женщины на уме. Хорошо, было бы позвонить ей сейчас и прояснить ситуацию, но я уже накосячил с глупым звонком, и, наверное, второй будет воспринят еще враждебнее. Или все же правильнее сделать это сейчас?

Игорь налил еще сто грамм в стакан и опрокинул залпом. Поморщился. Понюхал рукавом. Посмотрел на него и сморщил жалобное лицо, как если бы сейчас расплакался. Ударил ладонью по столу. Завис. А потом встал и направился к шкафу, где среди одежды была припрятана коробочка, обитая шелковой тканью. Он достал ее и открыл, посмотрел на обручаль-

ное кольцо. Лицо его стало совсем жалостливое. Он сел на диван, так и уснул, держа в руках вещь для Алины.

Лучи солнца ласкали его лицо сквозь не зашторенное окно. Ласка их была хуже удара плетью, словно чужой облизывал его кислотой. Он поморщился. Встряхнул головой, гудящую, больную; мигрень бушевала импульсами, ударяя в виски. Казалось, там целое море расшвыривает волны по черепной коробке. Глаза слезились. Мало же выпил. От чего так плохо? Тошнит. Ему захотелось вытереть влагу, набежавшую под глазами, но руки не хотели сгибаться, находясь словно в гипсе, немного эластичном, так как при сильном желании согнуть руку он смог. Только рукав больно упирался в локоть. Ко всем ненастьям добавилось похмелье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.